

Светлана Лубенец
Выпускной роман
Серия «Только для девчонок»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170914
С. Лубенец *Выпускной роман*: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-31238-2*

Аннотация

Юля и представить не могла, на что похожа первая любовь, пока случайно не встретила взглядом с Олегом... Казалось, ничто не может омрачить их счастья, но влюбленным не повезло – их одноклассники развязали друг с другом настоящую войну. 11-й «А» и 11-й «В» во всем соперничают между собой, а Юлю и Олега их бывшие друзья считают предателями. Страсти разгораются не на шутку, и кажется, что помочь влюбленным может только чудо...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Светлана Лубенец

Выпускной роман

Глава 1

Первое сентября

Одиннадцатиклассник Олег Дунаевский выглядел ослепительно. На нем был костюм-тройка цвета хаки с искрой, светлая рубашка в тон и галстук – зеленоватый металл. Длинные блестящие пряди волос картинно обрамляли лицо. Почти все девчонки, стоящие на школьном дворе на линейке, посвященной Первому сентября, не отрывали от него восхищенных глаз. Олег был их кумиром. Он будет учиться в школе последний год, а значит, можно еще успеть ему понравиться. И девчонки нервно поправляли волосы, одергивали нарядные блузочки и посылали ему взоры, один пламенней другого.

Олег принципиально ни на кого не смотрел. Еще бы! Только останови на ком-нибудь взгляд, хлопот потом не оберешься: замучают дурацкими записками, охами и вздохами.

– Итак! Право дать первый звонок в этом учебном году предоставляется одиннадцатикласснику нашей школы Олегу Дунаевскому и первокласснице Танечке Кузнецовой! – торжественно провозгласила директор Валентина Михайловна и первой часто-часто зааплодировала круглыми розовыми ладошками.

Ее хлопки, усиленные микрофоном, дружно поддерживали присутствующие на линейке. Многочисленные родители хлопали самым яростным образом, поскольку в очередной раз надеялись, что этот учебный год будет гораздо лучше предыдущих. Свежеотремонтированная школа, блистающая новыми стеклопакетами, радовала глаз. Казалось, что за этими новыми окнами все ученики непременно сделаются если и не отличниками, то сплошь примерными хорошистами. Девочки аплодировали красавцу Олегу, парни – дурачились, складывая ладони ковшиками и выдавая в пространство смешные гулкие звуки. В общем, все были заняты своим делом, довольны жизнью, хорошей погодой и даже началом учебного года.

К Олегу подвели маленькую Танечку в белых гольфиках, ярко-синем костюмчике и с огромными прозрачными розочками над завитыми в локоны белокурыми хвостиками. В руках девочка осторожно держала старинный медный колокольчик с красным бантом.

Дунаевский сначала взял Танечку за маленькую ручку, а потом нагнулся, подхватил девчушку за талию, чтобы посадить себе на плечо. Он не раз видел, как это делали выпускники на своих последних линейках, и решил, что ничуть не хуже остальных. Молодецкой силушкой его природа не обделила, а потому пронести на плече крохотную Танечку внутри школьного двора ему что плюнуть. Родители первоклассников при этом зааплодировали еще громче, поскольку им понравилось, что старшеклассник не отступает от принятого на таких мероприятиях протокола. Конечно, миленькая Танечка на плече рослого красивого Олега будет выглядеть очень эффектно, и это обязательно надо сфотографировать и даже снять видеокамерой.

Ни родители, ни директор Валентина Михайловна, ни тем более сам Олег не могли и предположить, что на фотоаппараты и кинокамеры будет заснято вовсе не триумфальное шествие выпускника и первоклассницы, а жгучий позор молодого человека.

Олег, посадив Танечку на плечо, гордо шагнул, но вдруг почему-то покачнулся и, не удержав равновесия, стал заваливаться прямо на празднично разодетых первоклассников. Испуганные папаши тут же выскочили вперед своих чад, смяв их ряды, букеты и банты.

Девчонки запищали. Кто-то заплакал. Визжащую на одной ноте Танечку подхватил папа ее будущего одноклассника, а Олега никто не сумел удержать, и он, рухнув между двумя насмерть перепуганными папашами, которые вместо него поймали в растопыренные руки лишь воздух, повалил за собой еще пяток детей.

Линейка ахнула. Этот всеобщий «ах!», тоже многократно усиленный микрофонами, взметнулся вверх из колодца школьного двора, и в соседних домах люди высунулись в окна, чтобы посмотреть, что происходит на улице. А посмотреть было на что. И еще послушать. Жуткую тишину, установившуюся после дружного «ах», вдруг нарушил богатырский смех 11-го «В».

Казалось, что парни и девчонки этого класса посходили с ума. Они хохотали и хохотали на разные голоса. Из общего гогота вырывались то визгливые девичьи переливы, то басовитые юношеские раскаты.

Конечно, бывает, что человек споткнется и упадет эдак смешно, что не удержишься от смеха, даже и сочувствуя. Но ничего смешного в падении Олега не было. Оно выглядело несчастным случаем, над которым не смеются, которому сострадают и спешат помочь. Олег поднялся с белым лицом и подрагивающими губами. Окружающие не разобрались от чего: от унижения или от боли, поскольку молодой человек очень быстро исчез в толпе. Кое-кто успел заметить, что его новый костюм был в пыли. Другие потом рассказывали, как он бережно поддерживал левой рукой правую.

11-й «В» продолжал смеяться.

Директрисе Валентине Михайловне было не до Олега. Ей не нравилось ржание выпускного класса. Что после линейки скажут спонсоры, которые уже презрительно морщат свои носы? Они, конечно же, подумают, что во вверенной ей школе, куда они вкладывают свои денежки, детей не учат элементарным правилам хорошего тона. Она, разумеется, напомним спонсорам, что эти дети пришлые, что она вынуждена была принять этот класс, когда закрыли 722-ю школу и когда...

Валентина Михайловна не додумала эту мысль до конца, потому что создавшееся положение надо было срочно менять. Она бросилась в гущу испуганных первачков, подхватила с асфальта так и валяющийся медный колокольчик с мятым испачканным бантом, подняла его над головой и зазвонила так мощно, будто сзывала присутствующих на пожар.

– Уважаемые педагоги!! Ведите детей в классы!! Ведите в классы!! – зычно призывала она. Ее голос даже без микрофона перекрывал почти все остальные звуки. – Родители, не мешайте движению учеников! Не волнуйтесь!! Все под контролем!! Все будет в порядке!!

* * *

– Вот ведь придурки! Ржали, как кони в степи! – возмущался Руслан Ткачев, сидя верхом на учительском стуле.

Ввиду праздника Первого сентября у одиннадцатиклассников было всего два урока. Их давно отпустили по домам, но четыре человека, переполненные эмоциями, не могли покинуть школу, не обсудив случившееся на линейке. Ася Бондаренко была дежурной. Остальные заверили классную даму, англичанку Нелли Степановну, что будут помогать Бондаренко, а ключ потом чин чинарем сдадут на вахту. На самом деле убирать было нечего. Доской в праздничный день не пользовались. На ней в строго организованном беспорядке пестрели прилепленные полосками скотча кленовые листья, вырезанные из разноцветной бумаги. Отремонтированный кабинет, пропахший эмульсионкой и лаком, сверкал чистотой. Даже песка с улицы никто не нанес.

– Давайте сходим к Олегу, – предложила Ася, вытирая чистой тряпкой подоконник, который в этом совершенно не нуждался.

– Вряд ли наше появление ему доставит удовольствие, – скривился Руслан.

– А почему вдруг не доставит?

– Да потому что сразу напомнит сегодняшний позор на линейке! Честно говоря, я не удивлюсь, если он в другую школу перейдет.

– Зачем? – испугалась Ася и так густо покраснела, что даже не посвященному в классные тайны стало бы ясно, как она этого не хочет.

– Затем, что теперь каждый при встрече с Олежеком будет вспоминать, как он завалился на перваков – бревно бревном!

– А нечего было выпендриваться! – подал голос Кирилл Кулешов. – Прошел бы с Танькой за ручку! И зачем надо было поднимать ее?!

– Затем, что все так делают! – вступилась за Олега Ася. – В прошлом году Валерка Макеев такую толстуху на плече таскал, помните?! И ведь ничего!

– Я всегда говорю, что нужно поступать нетрадиционно, – наконец вступила в разговор Тамара Рогозина, которая до этого сосредоточенно расчесывала длинные и густые темно-каштановые волосы. – Все девчонок на плече носят – а ты за ручку води! Чтобы отличаться от других хоть чем-то!

– Если ты и завтра придешь в таком нетрадиционном прикиде, – Кирилл дернул ее за коротюсенькую блузочку, которая лишь частично прикрывала загорелый живот, – Неллечка тебя и на порог не пустит! Она сегодня еле сдерживалась. Явно праздник не хотела тебе портить. Или себе!

– Да я и сама завтра так не оденусь! – Тамара дернула плечиком, и тяжелые волосы густой волной перекатились с него на спину. – Девушка должна каждый день быть новой и неожиданной! А если...

– Вы уклонились от темы! – перебил Рогозину Руслан. – Мы тут не Томкины тряпки собрались обсуждать! Вы мне лучше скажите, неужели так и спустим этому 11-му «В» их ржание?

– У тебя есть конкретное предложение? – усмехнувшись, спросил Кирилл.

– Есть! – Руслан рубанул воздух ладонью, чтобы «есть!» прозвучало весомей. – Предлагаю объявить им войну!

– А у нас с ними пакт о ненападении! – Кулешов рассмеялся, подсел поближе к Тамаре и обнял ее за плечи.

– Ты, что ли, подписывал?!

– Все мы практически подписались. И ты в том числе! Помнишь, еще в конце прошлого учебного года Неллечка гундосила на классном часе: «Вы должны помочь этим детям влиться в коллектив нашей школы!» Хороши дети! Кони! Владимирские тяжеловозы!

– Ой, не скажи, Кирка! Я там такую девочку за приметил! Фея! – И Ткачев в восторге от воспоминания так сильно закатил вишневые глаза, что тот, кто был незнаком с Русланом, непременно испугался бы, что он не сможет вернуть их в нормальное положение.

– Это которая? – живо заинтересовался Кирилл.

Возмущенная Тамара тут же сбросила его руку со своего плеча. Кулешов, совершенно не огорчившись, принялся расспрашивать приятеля дальше:

– Это не та... такая... большеглазая?

– О! Ты тоже ее заметил? – подхватил Руслан. – Глазищи во! – И он изобразил растопыренными пальцами обеих рук нечто размером с хороший грейпфрут.

– Нет, Аська, ты посмотри на них! – призвала подругу возмущенная Тамара. – Нас даже не стесняются! Будто нас тут и нет!

– Не говори, Томка! – Ася, бросив тряпку на подоконник, повернулась к Руслану. – Ты, Ткачев, сам себе противоречишь: то войну объявляешь 11-му «В», то на их девчонок тарщишься!

– Одно другому не мешает, милая Асенька! Тем более, что я, как ты совершенно правильно выразилась, всего лишь таращусь! На красивое всегда приятно смотреть!

– Можно подумать, что в нашем классе красивых девчонок нет!

Руслан оглядел бледноватую белокурую Асю и, чтобы не обижать не слишком яркую одноклассницу, сказал:

– Вы, девчата, само собой, хороши! Но... «царевна все ж милее...». – И Ткачев, подмигнув Асе, громко расхохотался.

– Правильно ли я понимаю, что война с «вэшками» отменяется? – очень ядовито спросила Тамара.

– Нет! – опять стал серьезным Руслан. – Проведем по всем правилам. А сейчас... давайте к Олегу! Аська, наверно, права. Пожалуй, есть смысл его поддержать.

– У тебя семь пятниц на неделе, – заметила ему опять порозовевшая Бондаренко, явно обрадовавшись тому, что Ткачев все же решил навестить Дунаевского.

* * *

– Ничего себе! – проговорил Руслан и присвистнул. – Неужели сломал?

Олег качнул загипсованной рукой и кивнул. Выглядел школьный красавец неважно. Лицо было бледно до синевы, под глазами – коричневые круги, и даже богатые волосы как-то опали, поблекли и потускнели.

– Так больно... – выдохнула Ася. Если бы она могла, то с удовольствием взяла бы на себя его боль. Поскольку это было невозможно, вся ее худенькая фигурка превратилась в живую аллегория сострадания.

– Уже не очень... – отмахнулся от нее здоровой рукой Олег, сел в кресло и спросил, кривя губы в некоем подобии улыбки: – Ну что, вся школа весь день так и ржала?

– При чем тут школа? – возмутился Ткачев и опустил на соседнее кресло. – Смеялся только этот убогий 11-й «В». Да и то на линейке! Все уже всё забыли!

– Ага! Как же! Такое забудешь! – нервно выкрикнул Олег и с силой закусил губу. Видимо, это помогало ему сдерживать эмоции или боль. – Первоклашек-то много завалил?

– Брось, Дунай! – вступил в разговор Кирилл. – Хорош себя изводить! Все живы и здоровы. А к тому времени, как с тебя гипс снимут, народ уже и думать забудет про эту дурацкую линейку. Представь, и кроме твоей персоны есть еще о чем подумать! Контрошки, самостоялки, зачеты... Выпускные экзамены, в конце концов, не за горами!

– Ребята, а как вы думаете, почему этот 11-й «В» так странно себя вел? – спросила Ася, усаживаясь на диван к Тамаре, которая уже давно удобно сидела там, свободно откинувшись на спинку и положив одну длинную ногу на другую. – Ведь совершенно не было смешно! У меня аж горло перехватило от страха, что Татьяна сейчас головой об асфальт шарахнется! Об Олеге я уж и не говорю!

– Наверняка назло, – проговорила Тамара, отодвигаясь от Кулешова, который подсел к ней с другой стороны.

– Ну-у-у... Томусик, я твой навеки, – шепнул ей в ухо Кирилл и уже громко спросил: – Кому назло-то?

– Ясно кому! Школе нашей! Думаешь, «вэшкам» хочется последний год в чужой школе учиться?

– Можно подумать, у них есть выбор?

– Вот именно, что нет, а потому верх крестинизма – портить отношения в школе, где учиться все равно придется. Аттестат-то нужен!

– И с кем же они испортили отношения? – усмехнулся Олег. – Подумаешь, смеялись. Они же меня не толкали. Самого почему-то вдруг повело в сторону... Их не в чем упрекнуть.

– Брось, Дунай! – Руслан по своей привычке опять рубанул ладонью воздух. – Вели себя, как настоящие скоты! И я им этого прощать не собираюсь!

– Каким образом не простишь?

– Я тут уже намекал нашим – надо объявить войну!

– По школьному радио объявите или сразу по Центральному телевидению? – Олег пытался шутить, но уголки губ опускались, и улыбка превращалась в болезненный оскал.

– Не знаю еще как. Придумаю. Вот, например, на следующей неделе физрук уже затеял волейбольный турнир среди старших классов. Наподдаем этим гадам по первое число! Устроим им Ватерлоо! Или битву под Полтавой!

– Забыл? – мученически спросил Олег и снова качнул загипсованной рукой.

– Не забыл... Ты, конечно, классный игрок, Олежек, но мы и без тебя не подкачаем! Вот увидишь!

– Мальчики, а вдруг они выиграют?! – ужаснулась Ася.

– Выиграют?! – Руслан сделал страшные глаза. – Это на нашем-то поле? В нашей-то школе? Где даже тетя Клава со столовской раздачи будет за нас?!

– Подумаешь, волейбол! – надула губки Тамара. – Всего лишь игра! Выиграли-проиграли – два дня печали! А с этих «вэшек», как с гуся вода, то есть – с гусей...

– И что же ты, моя кровожадная радость, предлагаешь? – спросил Кирилл и опять подвинулся к Рогозиной вплотную.

– Пока еще не знаю, но можно над этим вопросом поразмыслить... – ответила Тамара и, не выдержав напора Кулешова, рассмеялась. – Ладно, так и быть, прощаю тебя, но в последний раз! Еще раз заговоришь об этой Юльке из «В»...

– Так значит, она – Юлька?! – перебил ее Ткачев. – Ты с ней знакома, Томка?

– Нет! Так... случайно слышала, как ее девчонки называли.

– Ага! Значит, и тебя она поразила, раз ты ее запомнила?

– У меня, Ткачев, просто память хорошая! – резко сказала Тамара, поднялась с дивана и обратилась к Олегу: – В общем, так! Береги, Олег, руку и ни о чем плохом не думай! А эти... они еще поплатятся за свое ржание!

Дунаевский пристально посмотрел на Тамару. Не надо было обладать особой проницательностью, чтобы понять: вовсе не смех 11-го «В» так бесил девушку. Ей явно было не по душе, что вместо того, чтобы привычно восхищаться ею, первой красавицей «их королевства», одноклассники вдруг обратили свои взоры на другую особу. Похоже, с точки зрения Тамары, с этим надо было покончить, как можно быстрее и навсегда.

* * *

Юля Дергач пребывала в самом мрачном расположении духа с самого утра. А если точнее, то с последней недели августа. Все лето она старалась не думать о том, что в сентябре придется переходить в другую школу. Ту, в которой она училась с первого класса, Юля любила. Ей нравились высокие ребристые потолки и люстры со смешными старинными плафонами в виде колокольцев, утопленные в стенах застекленные шкафы с пособиями, скрипучие паркетные полы в классах и рекреациях. Проходя сегодня утром мимо пустынного школьного крыльца, Юля еле сдержала злые слезы. Здание было мертвым. Вместе с учениками из школы ушла жизнь. За пыльными стеклами девушке виделась страшная темная бездна.

О том, что школу № 722 закрывают на капитальный ремонт, ее ученикам объявили в конце прошлого учебного года. В общем-то, особого удивления это сообщение ни у кого не вызвало. Школа была одной из самых старых в городе. Ее здание на фоне окруживших ее светло-блочных высотных новостроек отчаянно и всего лишь в четыре этажа краснело

кирпичной кладкой, слегка потемневшей от времени. На фронтоне школы белым кирпичом была набрана цитата из Ленина: «Учиться, учиться и еще раз учиться!» Восклицательный знак неприлично выкрошился, и в образовавшемся углублении любили прятаться от непогоды птицы. Левое крыло школы, в котором находился спортивный зал, заметно и несколько кривовато осело, был серьезно разъеден ржавчиной козырек над крыльцом, протекала крыша. И тем не менее сообщение о закрытии в преддверии лета никого из учеников всерьез не взволновало. Когда еще эта осень будет! Впереди бесконечное лето, а для будущих выпускников оно же – последнее лето детства, и надо провести его так, чтобы запомнилось надолго.

Август, как всегда, подкрался неожиданно. За неделю до начала учебного года мама вдруг сказала Юле:

– Ты не забыла, что тебе надо бы узнать расписание уроков? Да и вообще... как там и что... во сколько линейка...

Юля не забыла. Она просто старалась оттянуть время, когда уже совершенно неотвратимо придется идти в чужую школу, к чужим учителям, в тот самый чужой монастырь, куда со своим уставом не пускают...

Девушка даже не стала покупать к учебному году обновки. К чему? Нужно просто как-нибудь перетерпеть этот год, получить аттестат – и прости-прощай, чужая школа. Цветы она тоже не покупала. Кому их дарить-то? Где вы теперь, Анна Львовна, любимая классная руководительница 10-го «Б»?

Сегодня, первого сентября, Юле с самого утра не нравилось абсолютно все, включая погоду. Эта самая погода была хорошая, солнечная. А кому нужна хорошая погода, когда начался учебный год? Во время учебы погода должна быть отвратительной, желательно с дождем и ветром, чтобы за окном выло, ухало, гремело жестяными подоконниками и шлепало по балконной двери плетями искусственных цветов, которые мама зачем-то развесила по стене. Хорошо также, когда дождь барабанит по стеклу, а капли сливаются на нем в один мутноватый поток, бесконечно съезжающий вниз. Вот тогда очень неплохо получаются домашние задания, даже по ненавистной тригонометрии... Нет, конечно, сегодня, в праздник, никаких уроков не задали, но лучше бы задали, честное слово! В голову без конца лезут воспоминания сегодняшнего дня. Юля и не хотела бы об этом думать, но... Словом, ей очень понравился молодой человек, который на линейке так... некрасиво упал. Сначала он гордо стоял в центре своих одноклассников, и ветер играл его длинными глянцевыми кудрями. Юля сразу выделила его из всех присутствующих на школьном дворе. Он был красив, высок и строен. Вообще-то Юлю не слишком волновала мужская красота. Она даже в артистов и певцов, в отличие от своих подружек, никогда не влюблялась. Юля считала, что настоящий мужчина должен не на сцене подпрыгивать в распахнутой рубашке на голое тело, а в строгой форменной одежде водить самолеты, охранять государственную границу или, например, производить сложные хирургические операции. В белом халате. И в маске. А под маской... лицо... такое мужественное-мужественное, а глаза – усталые... и умные...

У понравившегося ей молодого человека, пока он не завалился на первоклассников, лицо было веселое и... все-таки мужественное. А строгий костюм... он же почти в тон военной форме пограничников! Но все же, как ни крути и ни подстраивайся под обстоятельства, впервые в жизни Юле понравился красивый молодой человек с длинными и чрезвычайно блестящими, как у артиста на сцене, волосами. Она даже успела подумать о том, что крыша старого здания их школы прохудилась как раз вовремя. Если бы не эта крыша...

А потом случилось то, что случилось. Одиннадцатиклассник упал. Некрасиво так, глупо, унижительно. Он не сразу сумел подняться, скользя ногами по упаковочной фольге попавшего под ноги букета. Когда же он все-таки встал во весь свой высокий рост, его щегольский костюм стал серым от пыли. Юля зажмурилась, чтобы не смотреть на его позор,

и заткнула уши, чтобы не слышать, как отвратительно заржал их класс. Нет, Юлины одноклассники вовсе не были гадами. Просто каждый из них находился на пределе своих душевных возможностей. В конце школьной жизни они остались без любимых учителей, без родного здания школы. Они, семнадцатилетние, чувствовали себя на этой линейке в роли первачков-несмышленишек. 11-й «В» уже знал, что получил в свое владение кабинет труда девочек. Это они-то, без пяти минут взрослые люди, должны теперь проводить свои классные часы и вечеринки возле двух газовых плит, среди кастрюль и рядов швейных машинок. В классные дамы им, соответственно, определили учительницу девчачьего труда Нину Никитишну Никишину, расплывшуюся толстуху с сожженными перекисью волосами, которые не хотели укладываться в прическу даже первого сентября и торчали во все стороны неопрятными патлами. Пацаны тотчас окрестили классную – Ниникишей. Потом решили, что кликуха слишком длинна, и сократили ее до Кикиши.

Стоя на линейке, 11-й «В» стыдился торчащих патл Кикиши, ее мощного зада, обтянутого узкой трикотажной юбкой фиолетового цвета, могучего бюста, на котором с трудом сходился куцый рябенький пиджачок. Ребятам было неприятно, что на торжественной линейке им отвели место прямо напротив помойных бачков. Нет, помойка была вполне чистой и пристойной, но все же являлась именно помойкой. Каждый ученик 11-го «В» чувствовал себя нелюбимым приемышем, который взят в большую дружную семью из жалости и теперь вынужден будет донашивать за другими детьми обноски в виде кабинета труда девочек и никому не нужной Кикиши.

Когда позорно рухнул на асфальт школьного двора блестящий красавец в дымчато-зеленоватом костюме, новых Кикишиных подопечных прорвало. Это был дикий нервный смех, коллективная истерия, которую возможно было прекратить только таким образом, каким это догадалась сделать Кикиша. Она со всего маху залепила пощечину рядом с ней стоящему Генке Бармакову. Бармаков как-то особо заливисто всохотнул и замолк, потирая окрасившуюся в густо-свекольный цвет щеку. Щелчок по Генкиной физиономии был настолько звонок, что пробил брешь в общем ржании, и оно начало скудеть, редеть, затихать, пока наконец не сошло на нет.

В кабинете труда за длинными столами, предназначенными для раскройки тканей, 11-й «В» сидел уже с самыми угрюмыми лицами. Никто не улыбнулся даже развеселому коlobку, который был ловко состряпан из разноцветных лоскутков и в другое время вызвал бы бурю восторгов хитроватым выражением всезнающей мордуленции. Он совершенно напрасно покачивался перед лицами хмурых одиннадцатиклассников, свисая на витом золоченом шнуре с одного из потолочных плафонов.

– Как вы могли? – проклекотала Кикиша, и щеки ее толстого лица еще более раздулись, отчего она стала похожа на очеловеченного мультяшного хомяка.

– А чё мы такого сделали? – криво усмехаясь, спросил все еще малиновощекий Бармаков. Он, разумеется, знал, что именно они сделали и что ответит ему на сей счет Кикиша. Он подал голос просто так, чтобы училка знала: они ни за что не сдадутся, они объявят войну ее дурацкой школе, которая сажает выпускников чуть ли не на газовые плиты и выдает в классные дамы толстошее пугало. Какой толк от трудовицы в свете необходимости получения хороших аттестатов? Кому ее «труд» нужен? Девчонкам? Да когда у них по «туду» были отметки ниже пятаков? Да и будет ли у них «труд» в этом году? Выпускникам в классные дамы нужны литераторши или математички! А потому и этой нелепой Кикише будет объявлена тотальная война. Они с пацанами уже все это обсудили вчера вечером.

Конечно, Юлия Дергач не могла следить за ходом мыслей Бармакова, да и не стала бы этого делать, если бы и могла. У нее от собственных мыслей шла кругом голова. Молодой человек из «А», конечно же, слышал конское ржание их класса. А если даже не понял, откуда оно раздавалось, одноклассники наверняка ему уже очень доходчиво все разъяснили.

В таких обстоятельствах подружиться с этим... кажется... Олегом... возможности не представляется никакой.

Юля не слушала ни Кикишу, ни Бармакова, ни других одноклассников, голоса которых друг за другом вливались в общую перебранку. Она еле дождалась звонка и сразу ушла домой, решив прогулять первую в этом году географию. Хотя она и экономическая, а все-таки всего лишь география... Не тригонометрия поди...

Дома Юля занемогла. Ей хотелось отыскать этого Олега, чтобы объяснить: их смех на самом деле его практически не касался. Его падение было той случайной искрой, из которой разгорается пламя. Они, 11-й «В», были огорчены и обижены, а тут как раз такой пассаж... Этот смех... он вырвался у кого-то одного из Юлиных одноклассников неожиданно, а потом... расползся, как зараза...

Юлины невеселые размышления прервал телефонный звонок. Девушка нехотя сняла трубку.

– На нашем месте в 21.00! – весело пророкотал Юра Максимов, с которым Юля встречалась с прошлого года почти каждый день. Его тон не допускал никаких возражений, но Юля все же возразила:

– Что-то голова болит, Юр...

– Так пройдет! – не огорчился Максимов. – На свежем-то воздухе!

– Нет... не пройдет... я знаю. Лягу спать пораньше. Ты уж прости, – пробубнила Юля, шмякнула трубку на аппарат и выдернула шнур из розетки. Она знала, что встречаться с Юрой больше не будет. Никогда. Даже если Олег не удостоит ее своим вниманием...

Глава 2

В предложенных обстоятельствах

На следующий день Юля, что называется, проглядела все глаза, но Олега Дунаевского в школе так и не обнаружила.

– Вот мне интересно, кого ты весь день выискиваешь? – спросила Юлю ее задушевная подруга Маша Галкина, которую все звали просто Маняшкой. – Если Максимова, так он весь день треплется с Кузовковой у кабинета ОБЖ в нише за стендом «Как вести себя в экстремальной ситуации». Я бы такого терпеть не стала, пошла бы и треснула Кузовкову или Максимова этим самым стендом. Он на стойках еле держится. Я видела. Хочешь, пойдем, сорвем его в четыре руки и дербалызнем прямо по этой наглой парочке.

– Пусть себе треплются, – равнодушно отозвалась Юля.

– Вот так номер! – Маняшка в удивлении вскинула красиво выщипанные бровки. – Вы что, поссорились?

– Ничего мы не ссорились...

– А чего же тогда...

– А ничего...

– Да, содержательный разговор у нас с тобой получается, – рассердилась Маняшка и пальцами с длинными ногтями развернула к себе лицо подруги, расцарапав ей при этом щеку: – А ну, колись, Юльша, в чем дело!

Юля сморщилась, потерла разом набухшую царапину и сказала:

– Вот как-нибудь отстригу тебе эти пыточные орудия...

– Юль, хочешь, сама остригу под самый корень, только скажи, что случилось. Вижу же, что ты сама не своя.

– Понимаешь, Мань, я что-то не вижу в школе того парня... ну который вчера на линейке... упал, в общем...

– Так он, говорят, руку сломал.

– Да ну?! – Юлино лицо так выразительно побелело, что Маняшка, произведя в уме нехитрые расчеты, выдала:

– Значит, из-за этого неустойчивого плейбоя ты подарила Юрку Максимова Светке Кузовковой? Ты что, влюбилась в этого Дунаевского?

– А он Дунаевский? Откуда ты знаешь?

– Да его вся эта дрянная школа знает! Первый парень на их деревне. Говорят, девчонки толпами дежурят под его окнами, о попорченной ручонке регулярно справляются и передачи с глазированными сырками носят! Хочешь пополнить их ряды?

– Н-нет... Не знаю... хочу...

– Так, значит, да?! – Маняшка облизнула яркие губки и задумчиво произнесла: – Ну... он, конечно, неплох, такой импозантный... но после этого падения... Нет... как-то глупо, несолидно, унижительно. Вот представь, идешь ты с ним по школьному коридору, а все вспоминают, как он завалился...

– А те, которые с глазированными сырками, выходит, не вспоминают?

– Выходит, что нет...

– Вот и я не буду!

– То есть Юрик – побоку?

– Побоку.

– О-о-о-ой! – протянула Маняшка. – Ты, значит, его этим «обрадовала» и он тебе назло с Кузовковой...

– Я ничего ему не говорила, – хмуро отозвалась Юля.

– Значит, сам допер! Слушай, ведь у вас все так хорошо было! «Ю» в квадрате: Юля-Юра... Чего тебе неймется! Подумаешь, какой-то Дунаевский! Мало ли еще тебе встретится в жизни дунаевских! Что ж, из-за каждого нового красавчика старых друзей бросать?

– Мань, я сама себя не узнаю. Я тоже думала, что с Юркой у нас все хорошо, лучше всех... А оказалось...

– И как же оказалось?

– Оказалось, что бывает по-другому...

– Это как же?

– Я пока не могу объяснить, Маня. Только я готова этому Олегу и сырки носить, и руку бинтовать, и еще что-нибудь...

– То есть любовь с первого взгляда.

– Возможно...

– А если он в тебя не влюбится, тогда что? У него, имей в виду, выбор огромный.

– Не знаю, что тогда буду делать... не знаю...

– Это наше место! – грубо прервала разговор подруг темноволосая красавица в дико короткой юбке и своим подносом сдвинула поднос Маняшки так, что ей пришлось его подхватить обеими руками, чтобы он не грохнулся на пол. При этом фаянсовый бокал с зеленым утенком на боку упал. Тонкая струйка жидковатого школьного чая мгновенно обогнула тарелку и полилась прямехонько на новые бело-голубые кроссовки Галкиной. Громко взвизгнув, Маняшка раскорячила ноги, чтобы спасти кроссовки, и... поднос таки рухнул на пол.

Все это произошло настолько быстро, что Юля успела только выскочить из-за стола, но помочь подруге уже не смогла.

– Зачем ты это сделала?! – спросила она девушку с красивой темно-каштановой гривой, которой происшедшее, похоже, доставило массу удовольствия.

– Девки! Чего творите-то! – К столу подбежала румяная грузная тетка в белом халате и кружевной наколке на круто завитых седых волосах.

– А это, тетя Клавочка, новый 11-й «В» творит! – нагло заявила темноволосая. – Порядков наших не знают!

– Вот что, девоньки! – Названная тетей Клавочкой обратилась к Юле с Маняшкой. – Вы, конечно, можете садиться, куда хотите, но во-о-он... – она очень картинно выбросила вперед полную руку с указующим перстом, – в той части зала, а тут, – и тетя Клавочка пристукнула дебелим кулачком по столешнице, – у нас столы для тех, у кого абонементы. Поняли, хорошие мои?

Юля с Маняшкой, разумеется, сразу смекнули, что тетя Клавочка ссориться с ними не собиралась, даже несмотря на разлитый по полу чай и треснувшую тарелку. Но на лице красивой незнакомки было написано такое явное презрение, что две подруги, не сговариваясь, решили пока с ней ничего не обсуждать, поскольку явно требовалась выработка особой стратегии.

– Как думаешь, чего эта тварь на нас взъелась? – спросила Маняшка, как только они покинули «гостеприимный» столовский зал. – Рядом было полно свободного места-а-а... – Последнее слово она протянула весьма плаксиво, потому что взгляд упал на испорченные кроссовки. – Смотри, на что теперь мои кроссочки похо-о-ожи...

– Пошли замоем! – предложила Юля и потащила ее за собой. – Чай жидкий – ототрется!

– Ага-а-а... В туалетах воды горячей не-е-ет... Тоже мне – новая школа, называется...

– Воду завтра обещали дать. Что-то там у сантехников не срослось после ремонта! Давай двинем к Кикише! У нее все есть!

Девчонки припустили по коридору в другое крыло школьного здания, где несколько на отшибе и находился кабинет труда девочек.

– Вот не нравимся мы им, и все! – опять начала Маняшка. – И чего так злиться? Пусть к нам привыкают! Мы же не виноваты, что наша школа закрылась!

– А нечего было ржать на линейке!

– Думаешь, патлатая мымра испортила мне кроссовки из-за этого?

– Во-первых, она не мымра, а очень даже симпатичная девчонка, а во-вторых, поставь себя на их место: заявляется в школу целый класс и гогочет в двадцать три горла над самым святым – над первым звонком, а им – терпи! Удивляюсь, как нас вообще еще не вызвали на великую битву: стенка на стенку.

– Надо же! Какие страсти! Злыдня она, эта девка, вот и все! – Маняшка уже взялась за ручку двери кабинета, но вдруг покраснела всем лицом и как-то надсадно зашипела: – Ой! Юльша! А сегодня же наши парни в волейбол играют с «ашками»... Может, вот это и будет стенка на стенку?

– Ну... в школьном спортзале драки не организуешь...

– Не зна-а-аю... – протянула Маняшка. – У них тут, может, все заодно...

Отодвинув подругу, Юля открыла дверь и первой зашла в кабинет труда, который им теперь надлежало любить, как родной класс. Верхом на длинных столах сидели парни с весьма напряженными лицами. Поскольку кроссовки Генки Бармакова покоились аккуратно на новехонькой швейной машинке, девочки догадались, что Кикиши в классе нет.

– Чего грустим? – спросила Юля, хотя уже поняла, что ребята, скорее всего, обсуждали предстоящий матч.

– А чего нам радоваться? – отозвался Генка. – В этой школе, оказывается, действует волейбольная секция, которой руководит мастер спорта, чемпион каких-то там игр – Алексей Тютявин. А мы кто? Жалкие любители! В общем, разгромят нас, как шведов под Полтавой.

– А вы уж и испугались! – рассердилась Маняшка. – Представьте, что сражаетесь за нас! За 722-ю школу!

– За вас? – вдруг зло рассмеялся Максимов и при этом даже не взглянул в сторону Юли. – Да вы только и делаете, что нашим противникам глазки строите!

После этих его слов в классе повисла тишина. Юля прошла вперед и встала так, чтобы увидеть Юрины глаза. Они горели настоящей ненавистью. Она никогда не видела такого жесткого их выражения. И как Максимов мог обо всем догадаться? Она, Юля, всего лишь сослалась на головную боль, которая с каждым может случиться, а он почему-то на следующий день сразу же переметнулся к Светке Кузовковой...

– Ты же сам... – тихо сказала она, хотя понимала, что не имеет никакого права его ни в чем упрекать.

– Я все понял еще на той линейке, – ответил Максимов и добавил: – Но поболеть за него тебе не придется! Со сломанной рукой в команду не возьмут! Так что ты лучше вообще домой иди!

Юля отшатнулась от него, будто он ее ударил.

– Кончай свои разговорчики, Юрка! Ты тут у нас не один! – возмутилась Маняшка. – Мы обязательно придем за вас болеть! Все девчонки! Тем более, что их девчонки... ну... из «А»... Вот... – и она выставила вперед испорченную кроссовку, которой время на пользу не пошло. Разводы чая побурели и выглядели весьма отвратительно на снежно-голубом фоне новой обуви. – Представьте, из столовки нас прогнали! Чаем окатили! Шутить они, в общем, явно не намерены. Юльша считает, что это все из-за вашего ржания на линейке. Уж ты, Генка, громче всех надрывался! Не зря Кикиша тебе ладошку к щечке припечатала. А вот после этого чая я, знаете, подумываю, что «ашки» нам самую настоящую войну объявили. Не вписываемся мы в их коллективчик. Кстати, где Кикиша?

– А кто ее знает? – Генка оттопырил пальцами в разные стороны свои щеки, чтобы стать похожим на классную руководительницу и прогнусавил голосом, очень похожим на Кикишин: – Вы проходите, мальчики, располагайтесь! Это же теперь ваш класс! – Бармаков отпустил щеки и уже обычным своим голосом добавил: – Купить нас хочет своими «сю-сю-сю»! Не на тех напала, хомячиха!

– А мне кажется, что она нормальная тетка, – сказала Юля. – Ну... неказиста, конечно, но с лица... воду не пить!

– У нас в классе шестнадцать пацанов, которые никогда... слышь, Юльша!.. никогда!.. не будут пользоваться ее швейными машинками! Как она собирается с нами общаться? Как узнает: кто есть кто?

– А может, и хорошо, что не узнает, – хмыкнул Максимов. – Пусть себе думает, что у нас тут одни ботаники.

– Ну а если вы все-таки захотите что-нибудь себе сшить... – расхохоталась Маняшка, – любовь Кикиши вам будет обеспечена до гроба. Кстати, у нас ведь тоже в этом году никакого «труда» нет. Так что мы в одинаковом положении!

– Вот я и говорю: сплошная профанация! Нате вам, 11-й «В», Кикишу, и она будет...

Закончить Юра не успел, потому что в кабинет вошла хозяйка, которая, возможно, слышала из-за дверей и «профанацию», и свое не слишком благозвучное прозвище.

– Я все уладила, мальчики! – начала она с порога. Потом увидела девчонок, приветливо кивнула им и опять обратилась к юношам: – В общем, так: сегодня две игры... У 11-го «А» – самая сильная команда в школе. Я договорилась, чтобы они сначала сыграли с «Б» классом. Они у него, конечно же, выиграют... Но несколько подустанут. А потом будет игра с вами.

– То есть вы нам выторговали фору, – усмехнулся Бармаков.

– Я не знаю, как там это у вас называется, – спокойно произнесла Кикиша. – Я просто попросила, чтобы вам дали возможность хотя бы спортзал осмотреть. Вы же в нем ни разу не играли.

– Кстати, Нина Никитична, а к чему такая спешка? – спросила Юля. – Почему надо прямо на первой же неделе учебы устраивать соревнования?

– Да потому что в районе уже на начало октября стоит в плане чемпионат по волейболу между выпускниками. Тютявин хочет сразу посмотреть, кто из парней на что горазд, чтобы сформировать сборную школы и тренироваться по усиленной программе.

– Вот те на-а-а! – протянул Максимов. – А если я, к примеру, не хочу в сборную?

– Ну как же, Юра! – Кикиша посмотрела на него светлыми удивленными глазами и добавила: – Вы же будете сражаться за честь родной школы!

– Родной?! – Юрка рявкнул так громко, что бедная Кикиша зажмурилась. – Наша родная – на Первомайской улице находится! Ясно? Пошли, ребята!

Максимов прыгнул на пол, и все как-то вдруг сообразили, что продолжали при Кикише сидеть на столах, а Бармаков даже не потрудился убрать ноги в кроссовках со швейной машинки. Всем стало неловко. Парни, скукожившись и даже будто уменьшившись в размерах, проскользнули мимо классной руководительницы, бурча под нос что-то вроде:

– Ну... мы того... пошли, в общем...

– Да сыграем мы...

– Плевать, в каком порядке...

Когда в кабинете остались только Юля с Маняшкой, Кикиша тяжело опустилась на стул и сказала:

– Я ведь понимаю, как вам нелегко. Только злиться не надо. Конкретно от нас с вами, к сожалению, ничего не зависит. Надо достойно вести себя в предложенных обстоятельствах.

Поскольку возразить на ее слова девочкам было нечего, Маняшка выставила вперед изуродованную кроссовку и пробурчала:

- Вот... это столовский чай... нельзя ли чем-нибудь оттереть?
- Сейчас попробуем, – ответила Кикиша и как-то по-детски протяжно вздохнула.

Глава 3

Можешь сохранять нейтралитет

– Ой! Гляди, гляди! Твой бой явился!! – Маняшка горячим шепотом обожгла Юлино ухо.

Юля вытянула шею и из-за голов сидящих перед ней зрителей увидела, как от двери к скамейкам своего класса идет Олег Дунаевский. Его лицо было смущенным, он кривовато улыбался, потому что наверняка, как подумалось Юле, вспоминал свое дурацкое падение. Волосы Олега все так же красиво обрамляли лицо, а загипсованная рука была спрятана за полрой джинсовки. Девчонки из «А», завидев его, радостно завизжали и тут же организовали ему место в самом центре своего цветника. Не успел он опуститься на скамейку, его сразу окружили одноклассники, уже переодетые в спортивную форму.

Юля прижала к щекам ладони. Они горели.

– Ну ты, мать, даешь... – изумилась Маняшка. – Неужели до такой степени...

Юля ничего не ответила, только продолжала прикрывать ладонями неприятно горящие щеки.

Между тем началась игра: выкрики игроков и вопли зрителей, сочные шлепки мяча, топот ног, свистки судьи. Юля ничего не видела и не слышала. Девушка неотрывно смотрела в ту точку зала, где синела джинсовка Дунаевского. В отличие от Юли Олег был увлечен игрой. Глаза напряженно следили за перемещением игроков. Дунаевский то закусывал губу, то согнутый указательный палец здоровой руки. Иногда он что-то выкрикивал своим одноклассникам, свистел, ерошил себе волосы и в огорчении стучал кулаком по коленке. По тому, как он иногда орал «Ур-р-ра!» и что-то еще, непонятное девушке, Юля понимала, что успех сопутствует именно их команде. Собственно, это и предрекала Кикиша. Когда Тютявин громко объявил, что победила команда 11-го «А», одноклассники повскакивали с мест, а девчонки повисли у игроков на мокрых шеях. С большим неудовольствием Юля отметила, что некоторые девчонки предпочли виснуть на Дунаевском, который в игре не участвовал. Он шутливо отбивался, но все-таки подставлял щеки под яркие девичьи губки и сам чмокал одноклассниц в ответ.

Все время двадцатиминутного перерыва между матчами Юля просидела на скамейке в состоянии большой задумчивости. Совершенно ясно, что у Дунаевского своя жизнь, свой класс, возможно (и даже наверняка!), своя девушка. Вряд ли у него возникнет интерес к ней, Юле, ученице пришедшего 11-го «В», который у всех в этой школе вызывает одно лишь раздражение. Может быть, пока ее неожиданно возникшее к Олегу чувство не перешло в запущенную стадию, есть смысл перейти в другую школу? Нет... А как же Маняшка? А Маняшку можно позвать с собой... Только она не пойдет, потому что Бармаков... Впрочем, Бармаков с Маняшкой никуда не денутся: живут на соседней улице... А вот каждый день видеть Дунаевского и знать, что ничего и никогда... хуже этого трудно что-то придумать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.